

The Philharmonic Society's Symphony Concert (December 10) was conducted by Rachmaninoff. He included only two symphonic works in the program: Tchaikovsky's Fourth Symphony and Richter Strauss's "sound poem" Don Juan. What distinguishes Rachmaninoff from even the best world conductors is his ability to bring the purely musical content of the score to the foreground.

Excellent in mastering the orchestra, being able to extract from it various sound effects and, we should add, a keen sense of these effects (for example, the score of "The Miserly Knight" or "Francesca of Rimini"), Rachmaninoff, apparently, wants to extract from the performed work the entire complex of musical thoughts and moods. At the same time, in Rachmaninoff's performance there is a lack of affectation and pretence, which does not prevent him from demonstrating the amazing power of uplift and internal strength. It is clear that "Don Juan", where, as in other works by Richard Strauss, there is a lot of external, colourful showiness and the musical element recedes into the background before the visual element, was much weaker in Rachmaninoff's performance than Tchaikovsky's Fourth Symphony. Rachmaninoff managed to impart a special flavour of simplicity and power to this last work, which undoubtedly turned out for the better, since Tchaikovsky's music is insufficiently restrained, strict, and suffers—if I may say so—from being too intrusive in its expressiveness. After a stormy performance of the "Scherzo," Rachmaninoff was applauded especially warmly. Scriabin, who played his piano concerto, was also well received. Scriabin's piano sonority, so delicate and transparent, almost gossamer-like, is always believable if it is not accompanied by any other musical sound. When compared with the power of the orchestra, this sonority becomes miserably poor and unjustified. By the way, Rachmaninoff's orchestral accompaniment, lovingly finished and amazingly perfect, was undoubtedly calculated for a fuller and more lush impact of the performer of the piano parts. [...] [Grigory Prokofiev]

[Translation: Google]

У симфон. собраніе Филарм. Общ. (10 дек.) прошло подъ упр. Рахманинова. Онъ поста-вилъ въ программу лишь 2 симфоническихъ произведенія-IV симфонію Чайковскаго «звуковую поэму» Рих. Штрауса «Донъ-Жуанъ». Что выдѣляетъ Рахманинова изъ ряда даже лучшихъ, міровыхъ дирижеровъ, такъ это умѣніе выдвигать на первый планъ чисто музыкальное содержаніе партитуры. Отлично владѣя оркестромъ, будучи въ со-стояніи извлекать изъ него разнообразнѣйшіе звуковые эффекты и, прибавимъ, прекрасно чувствуя эти эффекты (примѣръ- партитура «Скупого рыцаря» или «Франчески Риминій-ской»), Рахманиновъ, видимо, хочетъ извлечь изъ исполняемаго произведенія весь комплексъ музыкальныхъ мыслей и настроеній. При этомъ въ исполненіи Рахманинова отсутствуетъ аф-фектація и нарочитость, что не мѣшаетъ ему показать удивительную мощь подъема, внутрен-ней силы. Ясно, что «Донъ-Жуанъ», гдѣ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Рихарда Штрауса, много внѣшней, красочной эффект-ности и элементъ музыкальный отходить на второй планъ передъ элементомъ изобрази-тельнымъ, прошелъ у Рахманинова гораздо слабѣе, чѣмъ IV симфонія Чайковскаго. Этому послѣднему произведенію Рахманиновъ сумѣлъ придать особенный колоритъ простоты и силы, что несомнѣнно вышло къ лучшему, ибо му-зыка Чайковскаго недостаточно сдержана, строга и страдаетъ — позволю себѣ такъ выра-зиться слишкомъ назойливой выразитель-ностью. Послѣ бурно проведеннаго «Scherzo», Рахманинову апплодировали особенно горячо. Хорошо приняли и Скрябина, сыгравшаго свой

фортепианный концерт. Скрябинской фортепианной звучности, такой нежной и прозрачной, почти паутинной, всегда веешь, если она не сопровождается каким-либо дру-музыкальным звуком. При сопоставлении же с мощью оркестра эта звучность становится нищенски бедной и ничем не оправданной. К слову молвить, оркестровый аккомпанимент Рахманинова, любовно законченный и удивительно совершенный был бы раз-считан несомненно на более полный и сочный ударь исполнителя фортепианной партии.